



II.

Замѣтки о книгѣ священника А. Н. Соболева „Загробный міръ по древне-русскимъ представлѣніямъ“.

(Лит.-историч. опытъ изслѣдованія др.-русск. нар. міросозерцанія).
Сергіевъ Посадъ. 1913 г. ц. 75 к. (206 с.).

Только хорошо зная наше прошлое, мы можемъ подходить болѣе-менѣе увѣренно къ пониманію настоящаго. Старый предрасудокъ, покоящійся на остаткахъ былого рабства, будто есть трудъ грязный, недостойный, унижительный для „порядочнаго“ человѣка, къ сожалѣнію, не чуждъ и изслѣдованіямъ научнымъ. Есть вопросы въ жизни духа народнаго, которыхъ касаться долгое время считалось „зазорнымъ“. Таковы, между прочимъ, вопросы міросозерцанія (заговоры, игры, пѣсни „бѣсовскія“ и т. п.) языческой поры нашихъ предковъ, которые особенно для изслѣдователей духовнаго сословія представлялись довольно щекотливыми. Между тѣмъ этимъ-то лицамъ вѣдь ближе всего знать русскую душу, съ ея свѣтлыми и темными сторонами. А знать и имѣть въ рукахъ орудія помощи для „немогущихъ“—вѣрнѣйшій путь излечить отъ этихъ недуговъ и предохранить.—Съ этой точки нельзя не привѣтствовать книгу о. Соболева.

Къ сожалѣнію, методъ изслѣдованія и нѣкоторая двойственность въ основныхъ положеніяхъ, граничащая порою съ противорѣчіемъ, тяжеловатый, мало приспособленный для даннаго предмета языкъ, дефекты стилистическаго и корректурнаго характера нѣсколько заграждаютъ пути этой интересной (кстати сказать, доступной и по цѣнѣ—всего 75 к.—книгѣ) въ широкую публику, а для специалистовъ—въ ней нѣтъ достаточно глубокаго и широкаго захвата. Автору незнакомы нѣкоторыя изъ новыхъ, крупныхъ работъ обзорѣ-

ваемой имъ области (Клингера ¹⁾), Майсики, мои „Заговоры“, сборники Лезина, незаконченное еще изслѣдованію Кагарова и др.), а потому и освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ кажется порою нѣсколько поверхностнымъ.—Но все это не лишаетъ книгу своего интереса, иначе я не рѣшился бы говорить о ней въ серьезномъ, почтенномъ органѣ печати.

Обращаюсь къ самой книгѣ. Всякія сужденія народной мудрости о глубокихъ, основныхъ вопросахъ міросозерцанія покоятся на данныхъ языка и его эволюціи: новыя значенія словъ, создаваемыя исподволь накапливаемымъ опытомъ житейскимъ и наблюдениемъ, постепенно лишь выталкиваютъ старое содержаніе, и съ большими усиліями, и далеко не по всей линіи захвата. То же, конечно, только въ усложненномъ видѣ и еще медленнѣе происходитъ съ ихъ комбинаціями, лежащими въ концѣ концовъ въ основу поворотовъ міросозерцанія. Такъ оно было, разумѣется, и въ томъ кардинальномъ вопросѣ изслѣдованія о. Соболева, который красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь и русскаго человѣка,—о постепенномъ пронизываніи языческаго (старого) міросозерцанія христіанствомъ (новымъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ являющагося краеугольнымъ камнемъ для всякаго человѣка „испытующаго“ себя.—Пройдемъ вмѣстѣ съ авторомъ по этому прошлому русскаго духа, внося попутно и посильные коррективы.

„Въ древнюю эпоху первобытный предокъ своимъ неопытнымъ умомъ доискивался причины различныхъ явленій, началъ развивать свою фантазію и сложилъ первое представленіе о загробномъ мірѣ“ (с. 5-я). Ни о какой фантазіи тутъ, конечно, и рѣчи не могло быть: это зачиналась отчаянная, упорная борьба развивающейся мысли съ огромнымъ міромъ страшнаго невѣдомаго,—процессъ выдѣленія сначала своего физическаго „я“ отъ окружающей природы, а потомъ—опредѣленіе и духовнаго „я“,—процессъ и понинѣ незаконченный, да въ существѣ и не могущій быть законченнымъ: измѣняется пониманіе физическаго міра, а съ нимъ, конечно, измѣняется и взглядъ на душу.—Этапы въ развитіи этого процесса очерчены въ моихъ „Загово-

¹⁾ Хотя многими мѣстами этой книги авторъ воспользовался, очевидно, по какому-то извлеченію изъ нея, мнѣ неизвѣстному.

рахъ“¹⁾ въ главѣ „Психологическія основанія возникновенія заговоровъ“; къ ней и отсылаю интересующихся постепеннымъ раскрытіемъ этого процесса. Здѣсь же повторю лишь общо, что въ этомъ дѣлѣ играла роль совсѣмъ не фантазія,—какъ то полагала и старая миеологическая школа,—а самая суровая *necessitas*, нужда, страхъ быть раздавленнымъ силами природы, боязнь смерти и исканіе путей побѣды надъ этимъ страшнымъ врагомъ жизни. А чтобы побѣдить его, надобно его узнать. Отсюда мысль о жизни „загробной“ (терминъ поздній), о жизни существа послѣ того, какъ его одолѣветъ этотъ врагъ, когда тѣло станетъ бездыханнымъ, когда отъ него отдѣлится нѣчто, придававшее ему жизнь, уйдетъ его двойникъ. Куда дѣвается это таинственное, невѣдомое, жизнетворное „нѣчто“ (или нѣкто), живеть ли оно послѣ смерти человѣка, гдѣ и какъ,—вотъ естественные, основные вопросы и дохристіанскаго міра и поры христіанской. Вотъ то многообъемлющее „подлежащее“, которому различныя эпохи развитія человѣческой мысли и человѣческаго слова давали столь различные отвѣты, „сказуемая“.

„Современныя повѣрія, обряды и суевѣрные приемы,—говоритъ Клиндеръ,²⁾—въ которыхъ ту или иную роль играютъ животныя, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ документовъ человѣческой мысли, представляютъ собою памятники, восходящіе—отчасти, по крайней мѣрѣ—къ порѣ первыхъ ея проблесковъ и потому имѣющіе для миеологии и этнологіи чрезвычайно важное значеніе. Дѣйствительно, миеологию всѣхъ народовъ оказываются въ значительной мѣрѣ пропитанными теріоморфическими элементами, отводя животнымъ выдающееся мѣсто,—характерное явленіе, которое уже съ самаго начала научной разработки обратило на себя вниманіе ученых... и объяснилось ими весьма различно, въ зависимости каждый разъ отъ преобладающихъ въ наукѣ теченій“ (с. 2—3).

Такъ Крейцеръ, считающійся отцомъ современной миеологической науки, считалъ миею—областью „научнаго чутья“, блестящимъ внѣшнимъ покровомъ религіозныхъ истинъ,

¹⁾ „Заговоры, заклинанія“... Варш. 1907 г., с. 41—106.

²⁾ „Животное въ античномъ и современномъ суевѣріи“ (См. „Кіевскія университетскія извѣстія“ за 1909 г. сент. и слл. и за 1910 г.; вышло и отдѣльно).

которыя въ своей отвлеченной формѣ еще недоступны были наивному пониманію народа; это символы, въ которыя облекались жрецами религіозныя или этическія догмы; и знаменательно, что и у него наиболѣе распространенными носителями религіозной символики являются животныя („пчелы служатъ утѣшительнымъ символомъ безсмертія души“ и проч.). Научный субъективизмъ Крейцера, вызвалъ серьезныя возраженія уже со стороны Лобека и К. Мюллера—указывавшихъ, что назиданіе и дидактика въ этихъ стадіяхъ развитія человѣка не могли играть сколько-нибудь выдающейся роли.

Когда же родилась новая наука—сравнительное языкознание, она установила единство приемовъ мышленія у многихъ родственныхъ народовъ, какъ исходящаго изъ одного праязыка, и пролила новые лучи свѣта въ интересующій насъ вопросъ. „Миеологія—это только діалектъ, только древняя форма выраженія; это простая исторія природы, вдохновившая поэта первой эпохи; это болѣзнь первобытнаго языка, неумѣвшаго выражаться отвлеченно“,—говорилъ одинъ изъ яркихъ раннихъ представителей этой школы М. Мюллеръ. Къ нему отчасти примкнулъ и А. Кунъ, тоже считавшій фауну мифа метафорическимъ отображеніемъ небесныхъ явленій (конь = солнце; корова = облако; красная хищная птица = молнія и проч.). В. Шварцъ уже не считаетъ миеологію художественнымъ созданіемъ, а отраженіемъ религіозныхъ чувствъ и вѣрованій, поставивъ на первое мѣсто грозовыя явленія (откуда образы змѣй, драконовъ). Я. Гриммъ попытался набросать уже схему постепенной эволюціи этихъ представленій, причемъ антропоморфизмъ выдвигается все ярче. Вскорѣ теорія эта (наука вѣдь, къ сожалѣнію, тоже не чужда моды) стала модной и нашла себѣ множество послѣдователей, усматривавшихъ въ конѣ и быкѣ—громъ, въ бѣлой лебеди—облака, въ сѣрыхъ волкахъ и собакахъ тучи и т. п. У насъ Афанасьевъ явился болѣе раннимъ проводникомъ этихъ идей, давъ извѣстный компромиссъ взглядовъ Мюллера, Куна и Шварца;—здѣсь все мнѣстическіе звѣри разыгрываютъ свои роли на широкой сценѣ—небѣ.—Новую постановку вопроса далъ Тейлоръ, основатель школы т. н. „анимистовъ“, приписывавшихъ дикарю неустанное стремленіе къ одухотворенію внѣшняго міра, надѣленія всего

въ немъ существующаго „душами“, по образу и подобию человѣческой, и возможности возвращенія вышедшей изъ человѣка души въ него обратно и постепенныхъ превращеній и переселеній ея. Одинъ изъ анимистовъ новой формации Вундтъ (въ своей „Психологіи народовъ“) выдвигаетъ наряду съ понятіемъ души, сравнительно независимой отъ тѣла (по образу тѣни, дыханія и т. п.), и душу тѣлесную: обѣ эти души могутъ иногда объединяться, но имѣютъ и свою отдѣльную эволюцію: выйдя дыханіемъ, душа человѣка поселяется въ животномъ, дѣлаетъ его подвижнымъ, летучимъ, какъ само дыханіе, и т. о. возникаетъ понятіе „животное-душа“. На эту мысль о вылетаніи, выползаніи (матеріальномъ) души изъ тѣла человѣка наводили черви, выползавшіе изъ трупа, откуда — удлиненный червь — змѣя является образомъ души (затѣмъ рыбы, насѣкомыя и т. п. — въ связи съ ихъ подвижностью и нарастающей способностью языка къ общенію, къ отвлеченію). Съ другой стороны, постепенно устанавливается и въ человѣкѣ локалізація души, а нерѣдко и совпаденіе, смѣшеніе ея самой съ этими „сѣдалищами“, какъ кровь, сердце; вѣдь и теперь еще у дикарей Сандвичевыхъ острововъ вожди ихъ сѣдаютъ „вмѣстилище души“ (лѣвый глазъ) приносимыхъ богамъ человѣческихъ жертвъ. Отсюда можетъ получить свое объясненіе и мнѣніе Вундта объ анимистическомъ происхожденіи *тотема*, который по словамъ Фрезера (одного изъ лучшихъ знатоковъ тотемизма) „уноситъ съ собою душу родича“, а позже „всякій человѣкъ племени принимаетъ послѣ смерти видъ тотема“ (т. е. тотемъ=мертвецъ; тотемизмъ—разновидность культа мертвыхъ). По мнѣнію Клингера, тотемизмъ и аналогичныя европейскія сказанія о животныхъ—явленія параллельныя, выросшія изъ одного корня—наивной идеи „животнаго-души“; всѣ животныя-души распределяетъ Клингеръ по 3 группамъ: 1) животныя воздуха (гл. обр. птицы и насѣкомыя), 2) животныя земли (главнымъ образомъ пресмыкающіяся и грызуны, живущія въ землѣ) и 3) животныя ночи (плотоядныя и четвероногія). Тотъ же приблизительно рядъ процессовъ въ постепенномъ развитіи понятія души находимъ и въ новѣйшемъ, еще не законченномъ изслѣдованіи проф. *Каларова*, въ примѣненіи къ растеніямъ. „Культъ растеній развился на почвѣ анимизма, т. е. вѣры

въ существованіе многочисленныхъ духовъ, населяющихъ всю природу; въ соотвѣтствіи съ этимъ растеніе представляется обителью души умершаго и пріобрѣтаетъ тогда хтоническое значеніе (тополь, ива, илимъ, ольха, оливковое дерево, бобы и т. д.); либо считаются убѣжищемъ оплодотворяющей демонической силы и тогда становится символомъ брака и природной производительности (прутнякъ, яблоко, смоковница и мн. др.); либо, наконецъ, получаетъ въ качествѣ сѣдалища благодѣтельныхъ духовъ, катартическое значеніе и посвящается въ послѣдствіи свѣтлымъ небеснымъ божествамъ (дубъ, лавръ, платанъ)¹⁾

„На доступной намъ стадіи развитія культъ растений всегда имѣетъ ту форму, что духовное существо тѣсно связано съ деревомъ... Дальнѣйшимъ шагомъ въ религіозной эволюціи является представленіе о томъ, что духъ дерева можетъ покинуть свою обитель и переселиться въ другое дерево; такъ возникаетъ вѣрованіе въ духовъ, свободно живущихъ въ чащѣ лѣса, каковы напр. греческія дриады, латинскіе фавны и сільванъ и др. Съ переходомъ духовъ и демоновъ въ боговъ, растенія превращаются въ атрибуты того или иного божества и считаются только посвященными ему; и лишь нѣкоторые эпитеты и эпиклезы боговъ, мифы о превращеніяхъ и старинные обряды свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда растеніе составляло излюбленное жилище божества, а еще ранѣе и само представлялось богомъ“²⁾.

Изъ всего этого и изъ исторіи жизни языка явствуетъ, что всѣ стадіи эти—переживанія различныхъ высотъ міросозерцанія—стояли въ тѣсной связи со степенью совершенства мышленія человѣка и его формъ—жизни—слова.

Послѣ этого отступленія, обзора (хотя съ высоты птичьего полета) пройденнаго наукой пути по данному вопросу, возвращаемся къ о. Соболеву и будемъ слѣдовать за нимъ по главнѣйшимъ его этапамъ въ его изложеніи, чтобы дать понятіе, какъ у него вырѣввало раскрытіе вопроса.

Знакомство съ воззрѣніями христіанства на будущую жизнь, говорить о. Соболевъ, не должно было пройти без-

¹⁾ г. Г. Кагаровъ „Культъ фетишей, растений и животныхъ въ древней Греціи“ (Ж. М. П. Н. за 1912 г. с. 522—3).

²⁾ Кагаровъ, I. с., с. 523—4.

слѣдно у др.-русскаго человѣка. Искавшій явнаго и болѣе удовлетворительнаго рѣшенія о загробномъ мірѣ предокъ находилъ нужное себѣ въ ученіи о богооткровенной религіи, которая давала о будущей жизни ясное и точное понятіе“ (с. 10-я). Христіанская струя, слившись съ языческой, придаетъ представленіямъ послѣдней и свою окраску „особенно въ вопросѣ о загробномъ мірѣ, который выдвигается на видное мѣсто, но сквозь христіанство проглядываютъ тускляя пятна язычества, которыя не могла вполнѣ закрасить христіанская струя“ (с. 10—11).—„Апокрифическія сказанія приобрѣли у насъ большую популярность, ибо подходили къ духу предка, къ его младенческой фантазіи. Предокъ находилъ въ нихъ удовлетвореніе своимъ запросамъ, онъ въ нихъ встрѣчалъ не только новое, но и родственныя себѣ мистическія элементы“ (с. 11-я). Это „мы видимъ и изъ уваженія къ синодикамъ, въ основу коихъ легли апокрифическія сказанія о загробномъ мірѣ и въ которыхъ выражается взглядъ не только просвѣщеннаго класса, но и простаго русскаго народа“ (ст. 12-я). Далѣе идетъ народное творчество: духовныя стихи, заплочки и т. д.

Здѣсь удачно отмѣчены преемственные пути пользованія образами, данными христіанствомъ: вѣдь все понимается каждымъ сообразно съ длиною того лота, который онъ опускаетъ въ глубь даннаго символа. Вполнѣ основательны также указанія о. Соболева (на с. 13, 14 и слл.) на роль обряда, обычая, преданія и слова—главнѣйшаго и самаго естественнаго орудія преданія—въ вопросѣ выясненія пропавшихъ звѣнчьевъ въ творествѣ народа. Сюда, говоритъ Буслаевъ, „какъ къ средоточію сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа“.—„Остатокъ языческаго элемента мы встрѣчаемъ даже и теперь въ той массѣ суевѣрій, которыя живутъ въ нашемъ народѣ... эти суевѣрія носители зерна далекой старины... Они не только освѣтятъ намъ языческія представленія др.-русскаго человѣка о загробномъ мірѣ, но и помогутъ показать, какъ видоизмѣнились его воззрѣнія подъ вліяніемъ христіанства“ (с. 17).

„Предокъ видѣлъ въ природѣ подобное себѣ живое существо, думающее, страдающее, любящее, ненавидящее, выражающее свободу своей воли въ движеніяхъ и т. п.“ (с. 24).

— Здѣсь истоки разнообразныхъ представленій души (и связанныхъ съ нею смерти образовъ ея антипода — смерти). Цѣлый рядъ страницъ посвященъ о. Соболевымъ указанію разнообразныхъ пониманій, и изображеній души; слѣдуя въ общемъ за Клинггеромъ, изслѣдователь даетъ попутно нѣсколько интересныхъ лингвистическихъ экскурсовъ (чуръ-пращуръ; воскресать—красникъ, —іюнь—мѣсяць огня и др.), приводитъ нѣсколько не встрѣчающихся у другихъ изслѣдователей вопроса литературныхъ справокъ и личныхъ записей и наблюденій въ нѣдрахъ народныхъ; обнаруживаетъ довольно обширную начитанность. Все у автора какъ будто и на мѣстѣ и оборудовано по „заправски-ученому“, а сущности научнаго изслѣдованія нѣтъ, — нѣтъ жизни, нѣтъ движенія. Вѣдь всего важнѣе указать, *не что* дѣлалось въ разныя эпохи и періоды культурной жизни человѣка, *а какъ исподволь* шла смѣна одного пониманія того же явленія другимъ. Въ томъ, что мы привыкли называть формою, ничего нѣтъ — по ученію Потебни—такого, что не относилось-бы и къ сущности, къ содержанію. Ergo, со смѣной формы медленно уходитъ со сцены и само содержаніе, и лишь пережитки стараго пониманія въ окаменѣвшихъ словесныхъ сочетаніяхъ являются еще долгое время памятниками былого пониманія вещей.—Къ сожалѣнію, этой важнѣйшей, но труднѣйшей, „узкими вратами“ входящей въ научный обиходъ, черты, у изслѣдователя не видимъ здѣсь. Зато, когда онъ переходитъ къ вопросамъ вліянія христіанства, болѣе осязательнымъ, болѣе близкимъ къ намъ, онъ становится живѣе и послѣдовательнѣе, хотя здѣсь бросается въ глаза нѣсколько тенденціозное стремленіе къ устраненію возможности вліянія библейскихъ сказаній на образованіе нѣкоторыхъ обычаевъ и вѣрованій языческаго типа, но новаго образца, новой формации (возможность превращенія души въ растеніе, а потомъ въ землю — глину, вѣроятно не безъ вліянія библейскаго Адама—красная глина; сохранившійся и по нынѣ обычай строить „голубцы“ на могилахъ, для отдыха души, во время ея переселенія; превращеніе души въ голубя тоже не безъ вліянія образа Духа Святого; рай—прекрасный садъ и т. под.). О. Соболевъ вообще избѣгаетъ признанія стадіи двоевѣрія, какъ необходимой въ религіозномъ возрастаніи язычника, проходящаго черезъ горни-

ло христіанства. А межъ тѣмъ иначе это не могло идти. Послѣ того, какъ, подѣ вліяніемъ христіанскихъ идей всталъ предъ „язычникомъ-христіаниномъ“ вопросъ о возможности для души покидать землю совсѣмъ и переселяться въ какую-то „невѣдомую страну“, которая лежитъ тамъ гдѣ-то „верху-горѣ“, освѣтились по новому цѣлыя ряды старыхъ вѣрованій. (Не выбрасывай сръзанныхъ ногтей, п. ч. въ рай придется взбираться на крутую желѣзную гору,—безъ ногтей сорвешься; страна мертвыхъ—гдѣ солнце умираетъ—западъ.. потому не хоронить мертвыхъ по заходѣ солнца, „чтобы солнце могло ихъ захватить съ собою и довести до обители умершихъ“ (Соболевъ, с. 96-я); дорога по небу для душъ умершихъ указана „млечнымъ путемъ“, по которому души летятъ легкокрылыми птицами, почему у литовцевъ и понынѣ путь этотъ носить названье „птичьей дороги“. Иногда она представляется въ видѣ океана, черезъ который переправляются души въ лодкѣ—„насадѣ“, позже—въ гробу, который, по объясненію Шляпкина, представляетъ собою двѣ опрокинутыхъ другъ на друга лодки. При болѣе позднихъ состояніяхъ культуры и техники, стало возможнымъ соорудить мостъ черезъ это воздушное или водное пространство, а по немъ уже переправлять покойника въ саняхъ, такъ-какъ тамъ за мостомъ,—холодъ, снѣгъ; позже стало возможнымъ и пѣшкомъ и верхомъ и на повозкѣ туда переправляться. А въ „Сказаніи Пафнутія Боровскаго“ (см. у Соболева, с. 116) говорится, что мостомъ ему въ рай служили трупы нищихъ. коимъ онъ благотворилъ при жизни; иногда же такимъ мостомъ считалась радуга).

Да и самая жизнь души „на томъ свѣтѣ“ была аналогична земной, мѣняясь въ пониманіи народа сообразно съ его духовнымъ ростомъ: зимою души тамъ мерзнуть, даже кочевѣютъ, а на Юрьевъ день, напр., воскресаютъ и возрождаются къ жизни и дѣятельности. Жизнь души тамъ,—даже и по библейскимъ указаніямъ,—была чувственная: въ гробъ крестьянину кладутъ всѣ предметы обихода (плотнику пилу, долото и т. п., земледѣльцу—косу, вилы и т.), даже табакъ и бутылку „забавушки“ (водки), найденной напр. въ гробу покойника при передѣлкѣ старой церкви Свирскаго монастыря (см. Соболевъ, с. 145). Иногда кладутъ въ гробъ даже недоплетенный покойникомъ лапотъ, недозвязанный чулокъ.

полагая, что „по преставленіи“ (очень характерное слово!), т. е. по прибытіи на новое мѣсто жительства, онъ докончитъ начатую работу. Тамъ, вопреки ученію Христа, но на уровнѣ іудейства, и „женятся и посягають“, поэтому напр., въ Болгаріи понынѣ женщина очень рѣдко выходитъ во 2-й разъ замужъ, а дѣвица—за вдовца: „на томъ свѣтѣ первая жена отыметъ своего мужа“ (Соболевъ, с. 153); на этомъ же вѣрованіи опираясь, понынѣ живеть обычай „посмертнаго вѣнчанія“: парубокъ, у котораго смерть похитила невѣсту, провожаетъ свою нареченную со свадебной „хусткою“ до могилы—„до хаты“, затѣмъ поселяется въ семьѣ почившей, считаясь тамъ зятемъ, а въ міру слыветъ вдовцомъ (ib). Вотъ черезъ какіе фильтры проходя, христіанскія идеи попадаютъ исподволь во все болѣе и болѣе очищенномъ видѣ въ массы народныя; вѣдь церковь тоже на сторонѣ брака единаго, признавая второй уже извѣстнымъ снисхожденіемъ къ слабости человѣческой. Столь же „узкими врата“ проходила въ сознаніе народа идея духовнаго общенія съ усопшими, ихъ поминовенія, молитвъ за нихъ и ихъ предстательства за насъ предъ Господомъ. Общеніе это вначалѣ понимается чисто матеріально: „въ дни поминовенія души умершихъ являються въ дома своихъ родныхъ, чтобы подкрѣпить свои силы“ (Соболевъ, с. 157). Такъ, въ Олонецкомъ краѣ, изготовивъ поминальный обѣдъ, родственники умершихъ. выходятъ изъ избы, отворяютъ двери и приглашаютъ невидимыхъ гостей—души: „Вы устали, родные, покушайте же чего-нибудь“. Затѣмъ, какъ бы войдя вмѣстѣ съ ними въ избу, прибавляютъ: „чай, зазябли, родные, погрѣйтесь“. Подано на столъ послѣднее блюдо—кисель, тогда хозяинъ выпускаетъ въ окно полотно, на которомъ спускали гробъ въ могилу, и провожаетъ ихъ въ путь обратный такими словами: „Теперь пора бы вамъ и домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было итти, — вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ“ (с. 158).—Матери, оставившія на этомъ свѣтѣ грудныхъ дѣтей, по ночамъ отпускаются съ того свѣта покормить грудью малютокъ.—Душа умершаго извѣстное время витаетъ около своего былого земнаго жилья, проходя рядъ мытарствъ, „хожденій по мукамъ“, пока не упадетъ въ опредѣленное мѣсто своего новаго жительства, не получить тамъ указаннаго ей пристанища; потому усоп-

шаго поминають напр. въ 9-й и 40-й день кончины. Такова дѣль идей, связующихъ христіанскія и языческія воззрѣнія. Труднѣе всего укладывалась идея ада, какъ возмездія за дурно, *грѣховно* прожившую земную жизнь, такъ какъ у нашего предка—славянина совѣсьмъ не было ни боговъ—карателей, мстителей (чернобогъ балтійскихъ славянъ—лишь антиподъ бѣлобога, охранителя добра), ни самой идеи *грѣха*; это было, то совѣсьмъ новое, что внесло намъ христіанство, что должно было рѣзко перевернуть, перестроить все міровоззрѣніе славянина; онъ, правда, имѣлъ понятія: „зло, порокъ“, но злыхъ и порочныхъ поселялъ въ одномъ мѣстѣ съ добродѣтельными: „грѣхъ—это христіанское слово“ (Соболевъ, с. 162), потому не было, конечно, и награды за добродѣтельную жизнь на землѣ, въ противоположность съ христіанствомъ, гдѣ „идея возмездія является господствующей (с. 169-я). И вѣдь эта идея должна была лечь въ основу новыхъ пріемовъ воспитанія, должна была произвести сильнѣйшую ломку въ семейномъ строѣ и т. п. Значить, когда подымались, уже въ интеллигентномъ обществѣ, противохристіанскія теченія, отъ этого особенно несчастными должны были становиться люди, взроставшіе въ такихъ семьяхъ,—находясь между двухъ огней и не имѣя своего.

— Загробный міръ, понятый по христіански, освѣщается исподволь по новому: вносятся понятіе добродѣтели и грѣха, награды и наказанія, устанавливается раздѣленіе мѣстъ жительства праведныхъ и грѣшныхъ, *рай и адъ*. Рай—извѣстный и язычеству, какъ прекрасный свѣтлый садъ, постепенно населяется лишь добродѣтельными людьми; потомъ ему отводится опредѣленное мѣсто—небо, а еще позже онъ отдѣляется „моремъ хвалынскимъ или рѣкою огненной“; переправиться туда становится возможнымъ лишь при содѣйствіи перевозчика—проводника „Михаила Архангела“. Души грѣшныя, „ищутъ мелкаго брода“. Входъ въ рай охраняется стражемъ небеснымъ апостоломъ Петромъ, на основаніи буквального (матеріальнаго) пониманія словъ евангельскихъ: „Дамъ тебѣ ключи царства Небеснаго“.—Конечно и для ада была своя подготовка въ язычествѣ: души поселялись вѣдь и „въ странѣ тьмы, тумана и холода“ (Соболевъ, с. 179), и въ земляныхъ пропастяхъ, гдѣ владычествуетъ вѣчная тьма и нестерпимый холодъ; текутъ смоляныя рѣки, пылаютъ

страшное пламя“ (с. 180). Вотъ сюда и стали сажать порочныхъ (а по болѣе поздней терминологіи—грѣшныхъ) людей „язычники-христіане“ и заставлятъ ихъ испытывать муки (сначала, и очень долгое время, даже часто и донынѣ),—лишь физическія: лизать горячія сковороды, быть подвѣшенными за языкъ и проч.; муки эти приурочены были по-немногу къ извѣстнымъ грѣхамъ, какъ кара за нихъ. Большая часть этихъ мученій была заимствована изъ разнообразныхъ эсхатологическихъ сказаній преимущественно апокрифовъ (хождение Богородицы по мукамъ съ Петромъ,) которыя съ христіанствомъ широко распространялись по русской землѣ. „Эти сказанія близко подходили къ младенческому(—добавлю отъ себя—въ смыслѣ христіанскаго воспитанія—) уму предка и производили на него своей наглядностью въ преставленіи загробнаго міра сильное впечатлѣніе“ (Соболевъ, с. 185). Къ этому пришлому матеріалу для соображенія новаго зданія прибавилось не мало и своего бытового, мѣстнаго („морозы лютые, смрадъ-чадъ, полки горячіе, выгребаніе жара руками изъ печи“ и проч.; среди грѣховъ вниманіе тоже привлечено убійствами, воровствомъ, чародѣйствомъ, клеветою, ябедою,—словомъ проступками противъ ближняго, тогда какъ въ апокрифахъ на первомъ планѣ—грѣхи противъ Бога (невѣріе, нехождение въ церкви и т. п.).

— Идея „страшнаго“, загробнаго суда, тоже явившаяся уже естественнымъ плодомъ принятыхъ новыхъ понятій—добродѣтели и грѣха, прошла предварительно (да и понынѣ еще не отдѣлалась совсѣмъ отъ этого) черезъ грубо-чувственные образы, и также подъ воздействием эсхатологическихъ сказаній („Слова св. Ефрема Сирина“, „Слово Палладія Мниха“, „Житіе Василя Новаго“); добрыя и злыя дѣла человека взвѣшиваются на чашкахъ вѣсовъ, и сообразно съ этимъ назначается мѣстопробываніе подсудимому. (Много яркихъ указаній на эту тему найдемъ въ духовныхъ стихахъ и любочныхъ народныхъ картинахъ). На судъ этотъ душа попадаетъ не сразу: 2 дня блуждаетъ она по землѣ, „ищуци яко горлица гнѣзда“ (Соболевъ, с. 190), 3—8 дни ходитъ по мытарствамъ въ сопровожденіи свѣтлаго духа, который ее защищаетъ и предъявляетъ ея добрыя дѣла; въ 9-й день является душа на поклоненіе Богу; ей показываютъ рай,

гдѣ она и пребываетъ до 20-го дня, затѣмъ—вновь поклоненіе Богу, уходъ въ адъ и пребываніе тамъ до 40-го дня, когда и устанавливается окончательное мѣсто жительства.— Души, не вошедшія въ рай изъ-за незнанія новой вѣры, долгое время поселялись народной фантазіей на землѣ въ образѣ русалокъ, кикиморъ и т. п., нынѣ,—въ новой стадіи—разсматриваемыхъ какъ души некрещенныхъ младенцевъ (т. е. не познавшихъ тоже новой вѣры), самоубійць, утопленниковъ и т. п.,—лишенныхъ возможности „устроить свой мостъ въ рай“ путемъ покаянія, исповѣди и причастія“.

Гдѣ же причины такой живучести язычества въ христіанствѣ?—„Язычество,—такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ о. Соболевъ,—только присоединило къ себѣ христіанство, дало ему, какъ государственной религіи, первое мѣсто“ (с. 195) (т. е. на первыхъ порахъ оно являлось внѣшнимъ наростомъ. „Христіанство явилось на русскую почву тогда, когда языческая религія здѣсь еще не вполне сложилась“ (ib), т. е. слагающая религіозные уклады мысль легко и свободно брала матеріаль и изъ стараго и изъ новаго, претворяя и то и другое вновь, своеобразно. „Христіанство принималось не сразу, не всѣми классами населенія, а сначала лишь высшими“ (с. 197). Отсюда двоякое пониманіе основъ вѣроученія въ народѣ, и въ такъ называемой интеллигенціи; отсюда ихъ взаимное непониманіе и духовный разрывъ, духовная рознь, такъ тяжело отражающаяся и на тѣхъ и на другихъ.

А. Ветуховъ.